

ЗИМНИЕ СВЯТКИ

Древние новолетия и круговое время

Вероятно, в отдалённые эпохи (позднего палеолита и неолита) привычного нам праздника «нового года» не существовало. Человек жил в мире непрерывного и непрестанного обновления. Поток жизни отражался в потоке сознания, будущее лишь продолжало прошлое. Круговое время сливалось с природным круговоротом, вырваться из которого можно было, лишь устремившись к небу. Так зародилась древнейшая религия индоевропейцев и солнечный протокалендарь, начала складываться целостная картина мироздания. Череда годовых обрядов отныне следовала за сменой в небе равноденствий и солнцестояний. К первобытному счёту дней по восходам солнца, а недель и месяцев – по фазам луны, добавилось исчисление лет по мерному прибыванию и убыванию небесного света.

В течение тысячелетий точка конца-начала в отсчёте кругового времени менялась. В эпоху кочевого скотоводства доземледельческое *новолетие* отмечалось с наступлением наивысшей активности солнца и посвящалось его порождающей, *яркой* силе. Об этом свидетельствует общая основа **iēr* для названия летнего нового года у древних греков *ώρα*, персов *yārā*, германцев *Jahr* и праславян **jarь*. В дни летнего солнцестояния наступала жаркая пора, время обильного роста и цветения, зачатий и рождений, но именно тогда солнце «поворачивало» к своему медленному годовому закату.

В IV-III тысячелетиях до н. э., в эпоху раннего Бронзового века, когда единство индоевропейских народов уже распадалось, у оседлых землепашцев на смену летнему пришёл весенний «новый год», праздник солнцеворота сменили торжества весеннего равноденствия. Об этом свидетельствует смысловое родство его названий у древних иранцев *Новруз* («новый свет», «новый день») и у праславян *Новосвяты* – таково сохранившееся у болгар древнее наименование *Масленицы*. Именно *Масленицу*, отмечаемую в день победы света над тьмой, начинала для древних славян «новый год» – пору, *годную* для сельских работ.

Осеннее равноденствие знаменовало вхождение в мрачное время года. У славян оно сопровождалось девятидневными *Осенинами* с 23 сентября по 1 октября – обрядами прощания с убывающим светом. Все обряды и поверья, продолжавшиеся до зимнего солнцеворота, были связаны с образами сна, погребения, смерти. 2 ноября, через сорок дней после равноденствия, наступал день поминовения предков, который на Руси называли *Родители* или *Деды*. Лишь в жарком Средиземноморье у оседлых земледельцев осеннее равноденствие превратилось в праздник – нового урожая и Нового года. У древних евреев к нему приурочен праздник *Рош Ха-Шана* («голова года») – отмечаемый в новолуние, ближайшее к осеннему равноденствию.

Под влиянием библейских календарных обрядов в IV веке н.э., после утверждения христианства государственной религией, император Константин перенёс празднование нового года на 1-го сентября. В языческом Риме оно отмечалось 1 марта, затем Юлий Цезарь в 46 году н.э. утвердил его новую дату – 1 января. Однако на Русь осеннее новолетие пришло из Византии лишь в 1492 году, сменив «благовещенский» Новый год, отмечаемый 25 марта. В 1699 году другой император, Петр I, постановил

праздновать светский Новый год 1 января, при этом церковное сентябрьское новолетие осталось прежним.

Как же праздновали новолетие в дохристианской Древней Руси? В течение двух-трёх тысячелетий в календаре предков восточных славян, как и у всех древних европейцев, время празднования Нового года переместилось с летнего солнцестояния на весеннее равноденствие, а затем на зимний солнцеворот и получило название *Святки*. В эти дни завершалось полугодовое тягостное угасание небесного светила и солнце начинало медленный восход к вершине своего могущества, к солнечному *кресу*. Его наступление отмечалось в славянский месяц *кресень*, во время купальских таинств *кресения* священного огня.¹ Слово *крес*, родственное латинскому *crisis*, некогда означало «возрождение, воскресение, оживание». Владимир Даль приводит поговорку: Не бывать ему на кресу» – не ожить после болезни.

Символика обрядов зимнего *новолетия* имела возвышенный, небесно-астральный смысл и выражала суть древней «солнечной веры» в возрождение живительного небесного света и неумирающего светила. В почитании зимнего солнцеворота отразилась и общая для греков, римлян и праславян идея завершения солнцем небесного круга, начала нового календарного счёта (*κύκλος, calendae, κόλο*).

Древнерусские обряды *Святок* длились, как и прочие празднества восточных славян, одну священную девятину. На северо-востоке Европы, выше 55 градуса с.ш. (широта Москвы) зимнее солнцестояние, при котором длительность светового дня изменялась за сутки менее, чем на минуту, продолжалось от 9 до 14 дней. С 14 по 27 декабря (нового стиля) солнце днём будто замирало в нижней точке небосвода, а на широте Архангельска и вовсе не появлялось из-за горизонта. Краткая «смерть солнца», скрывшегося под землёй, сменялась его едва заметным «новым рождением» на рассвете 22 декабря. С этого времени солнце «поворачивало» к лету, и небесный свет начинал прибывать.

Горящее колесо — символ завершённого солнечного круга и «сгоревшего» старого солнца

Это таинство рождения света получило особое название *Авсень* (в акающих областях), *Овсень*, *Оусень*, *Усень*,² основа которого **sen-* сохраняет отдалённое родство с именами

древнеиндийской *Uṣas* и древнегреческой *Ἑως* – богинь рассвета. Вместе с родственными словами «синь», «синий», «сивый» и (через корневую метатезу) «ясный/ясен» оно восходит к понятию «свет», а также «весна» (которому соответствует санскритское *vasántā* с тем же значением). Магическая метатеза *осень* – *овсень* – *овесень* говорит о том, что в сознании наших предков за новогоднюю ночь длительное угасание света – *осень* сменялось началом его неуклонного разгорания, всенебесного рассвета, превращалась в *синь*, в *Усень*.

Изначальный смысл *Святок*, как празднества возвращения света и небесного тепла, подтверждают древние названия *прóсинец* и *свѣчень* – двух сорокадневных

месяцев солнечного календаря, следовавших вслед за зимним солнцеворотом. Постичь яркий символизм древнеславянских религиозных обрядов позволяет их «мифопоэтическое прочтение», в высшей степени свойственное образному мышлению наших далёких предков.

Зимние святки

Зимними святками называли древний *Новолетник* и особое таинство, названием и олицетворением которого являлась *Коляда* (*Коледа́, Ко́ляды*). Общеславянская основа этого слова *klad* «колода, обрубок дерева, лежачее дерево» родственна древнегреческому *κλάδος* «ветвь». Предположение о заимствовании названия *Коляда* из латинского, где *календами* (*calendae* от *calo* «взывать») именовались первые дни каждого месяца, не учитывает славянской этимологии этого слова и семантики связанного с ним обряда завершения-возобновления годового солнечного круга. У южных славян *Коляде* соответствовал *Бадняк* «колода, комель дерева, пень» и связанные с ним обряды. Это слово с индоевропейской основой **budn, *budhn*, «ствол, пень, туловище» имеет соответствие с древнеиндийским *budhná* «дно, основание, опора». На северо-западе Европы аналогом *Бадняка*, сжигаемого во время Рождественского сочельника, являлось «рождественское полено», в наши дни почти повсеместно превратившееся в кондитерское изделие: *la bûche de Noël* у французов, *yule log* у англичан, *julblock* у скандинавов. В Древней Руси *Коляда* отличалась от *Бадняка* лишь названием и женским родом и представляла собой дубовую или берёзовую колоду, комель дерева.

Полено-коледа, сгоревшее в сердцеvine, — символ перехода от старого года и к новому

Южные славяне срубали *Бадняк* в полном молчании до восхода солнца, торжественно водружали на тлеющие угли костровища или домашнего очага, мазали медом или салом, поливали маслом, посыпали зерном, называли «святым». Миг, когда *Бадняк* перегорал среди ночи и разваливался на две части, считался поворотным, его ждали, не смыкая глаз, и потому слово *Бадняк* понимали как «бдящий, будящий». У восточных славян ему были родственны *бдын* – так в древнейшие времена называли надгробный столб, покрытый двускатным «го́лбцем», и прилагательное *будний*, некогда означавшее канун праздника, древний *Сочельник*. Его обряды совершались накануне *Коляды* и также восходили к дохристианской древности. На вечер и ночь в печи оставляли лишь тлеющие угли, еду готовили без огня. Она состояла из медовой *сыты* – воды, подслащённой мёдом, и *сочива* – варёных зёрен жита, смешанных с толчёными семечками, орехами, маком. После ужина в избе гасили все огни. Одевали новую одежду и всем селом собирались в родовом святилище.

Жрецы освящали *Коляду* и с молитвами возлагали на угли пригашенного родового костра. У сербов и хорватов существовал обычай класть в огонь очага крест-накрест два полена, которые называли *Бадняк* и *Баднячица*, наутро обновившееся пламя именовали *Божичем*. Трудно сказать, существовал ли в Древней Руси этот обычай,

повторяющий купальское «кресение огня». Скорее, для наших предков медленное горение *Коляды* символически означало огненный переход через время – от старого года к новому.³

Обрядовое святочное угощение — «сливочное полено», испеченное в виде Коляды (или сербского Бадняка)

Костровище с мерцающими угольками становилось образом звёздного неба. Рдеющая посреди него священная колода уподоблялась заре, соединявшей закат и рассвет, создавала зримое подобие «небесного моста», по которому зимнее светило медленно шло над горизонтом во время томительного солнцеворота. Всю ночь собравшиеся неусыпно ждали мгновения, когда луч восстающего солнца вновь вспыхнет над горизонтом – в небе родится и начнёт прибывать свет. В этот миг верховный жрец разрубал *Коляду* на две части, и над ней зажигали огромный костёр из соломы. Новый огонь брал начало внутри старого. (Если следовать обрядовой годовой символике убывания и прибывания света, отражённой в весеннем утре, летнем полдне, осеннем вечере и зимней ночи, можно предположить, что этот миг наступал и в полночь.)

Это забытое со временем таинство встречи света, восстающего из тьмы, вызывало взрыв восторга. Искры пламени взлетали в небо и казались новыми звёздами, на лицах людей будто вспыхивало небесное зарево, жар костра растапливал снег до самой травы. Вся община с ликованием встречала первый рассвет нового года, взирала на возникшую перед глазами чудесную картину – предвестие весны. Собравшиеся хором возносили славословия солнцу, месяцу, звёздам и впервые после *Осенин* начинали торжественный хоровод. Втори́ли вращению годового коло, приближая благодатное лето. Кликали *Усень*, призывая горячую весеннюю синь. Молились о покойных предках, о благоденствии рода, рождении детей, приплоде скота, изобилии в домах и неиссякаемом плодородии Мать-сырой-земли...

О глубокой древности колядных обрядов спустя тысячелетия напоминали строки святочных песен:

Стоят леса дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят горячие.
Вокруг огней люди стоят,
Люди стоят, колядуют...

Происхождение *Коляды* из древесного ствола вызывало в сознании поэтический образ Древа жизни. Его крона, ветви и ствол в течение года словно сгорали в солнечном костре. На *Зимние святки* жрецы жгли в родовом святилище его последнюю часть – священную колоду-*Коляду*. Однако с первым лучом солнца Древо жизни вновь выросло из бессмертных корней.⁴ На смену пылающей *Коляде* приходил сияющий *Овсень* – посланец света, вестник весны и земледельческого нового «года».

Колядовый костер

С мотивом срубания дерева и мощения моста для *Овсеня* или Нового года связан смысл старинной загадки: «Когда свет зародился, тогда дуб повалился, и теперь лежит». По закону символических соответствий *Колядой*

называли и новорожденное солнце. На *Святках* пели, поминая огненное колесо, катящееся по небесному кругу:

А ехала *Коледа*
С конца в конец...

Сдвоенный припев многих колядок «Ой Авсень, ой Коляда!» говорит о неразрывности этих двух начал – света и огня – в святочных празднествах.

Сёянье звёзд

Зимние таинства «хождения с плугом» и «засевания жита» некогда были наполнены высоким, поистине всеохватным смыслом и лишь с течением времени превратились в земледельческие обряды плодородия. В начале действия происходило «кликанье плугу» и славословие его небесному подобию – плывущему между звёзд месяцу. Затем по снегу около колядного костра пропахивали широкую борозду и засевали зёрнами. Девушки «пололи снег», загадывая о женихе. В этих действиях магия плодородия и зачатия сочеталась с космическим действием – засеванием небосвода звёздами вдоль Млечного пути, некогда называемого *Становищем* и *Дорогой в ирий*. Пахарь и плуг уподоблялись супружеской паре солнца и месяца, семена-звёзды – их потомству, душам живых и умерших.⁵ Сила жизни соединяла всех и всё. В праздник *Коляды* жрецы символически «собирали» с неба и «подмешивали» зёрна-звёзды в

обрядовую кашу, её приготовление и поедание становилось мысленным приобщением к жизни всего мироздания.

В святочных песнях едва ли не важнейшим являлся мотив свадьбы светил, небесного зачатия и небесной семьи: «месяца-батюшки», «солнца-матушки», «детей-звёздочек». В одной из «овсенёвых» песен есть такие слова:

Ой, Овсень! Ой, Овсень!
У хозяев на дворе три терема стоят:
Первый терем — светлый месяц,
Второй терем — красно солнце,
Третий терем — часты- звезды.
Светел месяц — сам хозяин,
Красно солнце — то хозяйка,
Часты звезды — малы детки.

Святочные игры: посыпание снегом новобрачных и угощение колядовщиков

После первых славословий небесному свету односельчане брали из костра светящиеся головни и расходились по домам. От них во дворе каждого дома разводили свои колядные костры и некоторое время в глубоком молчании стояли рядом, полагая, что души умерших родителей приходят к потомкам «греться». Угли от

такого костра считались чудодейственными оберегами (как и после сожжения *бадняка* в домашнем очаге). Ими крестообразно метили ворота дворов и двери изб, головы домашних животных. Дымом окуривали жильё, хлев, ульи, золой посыпали огороды и окрестные поля. Затем по всему селу начинались пиры.

Святочный пир

После молчаливого поминовения предков за домашним столом начиналось застолье, переходившее во всеобщее веселье

Пришли колядки – блины да оладки!

Наступала пора всеобщих угощений, веселия и радости. Священной обрядовой едой считались блины, каша (впоследствии называемая *кутьёй* – от греческого *κοκκία* «бобы»), хлебный каравай, а также поросёнок.⁶ После долгого перерыва в праздник зимнего солнцеворота вновь начинали выпекать «солнцеподобные» блины. Тесто для них готовилось затемно. Непременно ночью, «до света» варили и обрядовую кашу из ячменя или проса. Её приготовление на многие века сохранило черты древнего священнодействия. Старшая в доме женщина приносила из амбара зерно, а старший в доме мужчина – воду из колодца или реки. Их оставляли на столе, пока топится печь. Затем семья садилась за стол, хозяйка с молитвой «затирала» кашу и ставила в печь. В

полном молчании все ждали, пока каша сварится, торжественно вынимали из печи и водружали на стол.⁷ Свод русской печи вовсе не случайно называли «небом», её огонь считали солнцеподобным, как древние греки – пламя Гестии, угли сравнивали со звёздами, а дым с Млечным путём.

«Родовую кашу» ели всем семейством непременно из одного горшка, но перед началом трапезы отсыпали первую ложку в угол, в печь или за окно – духам предков. Состоящая из множества зёрен, каша являлась обязательным угощением на свадьбе, родине, похоронах и на важнейших годовых празднествах. Считалось, что совместное угощение кашей обеспечивает единство, умножение и благополучие всего рода. С ней ходили по домам родичей и соседей. Связь каши с идеей плодородия не забывалась в течение веков. Так, на следующий день после Рождества все родильницы и беременные женщины собирались с подарками к повитухам на «бабы каши» и пировали до утра.

Святочное ряжение в медведя, старика и волка

На *Святки* из теста выпекали «новорожденных» коников, коровок, бычков, барашков, петушков, утиц и прочую живность. Этим печеньем угощали друг друга, потчевали домашних животных и птицу, «чтобы лучше водились». Все древнерусские пиры и празднества неизменно сопровождал круглый румяный каравай, в дни *Святок* он становился ещё одним символом солнца, сверху на нём выдавливали или выпекали знак косоного креста.⁸ В одной из южнорусских колядок пелось:

Ой, Бог нам дав,
Коровай наш удавсь,
Як яснее соненько!⁹

Какое же обрядовое значение имел поросёнок, приготовленный для колядного пира? Древнерусское *порося*, родственно латинскому *porcus* и греческому *πόρκος* «свинья», а также слову *пóроз* «кабан, баран, бык», восходящему к индоевропейской праформе **pors-* и корню **per-* «рождать, производить». Созвучие *порося*, *пороз* с чередующейся основой **ros-/*roz-* позволяет предположить их связь с названием священного животного древних русов – мифическим первосушеством, покровителем и подателем плодородия. Красноватая окраска печёного на углях поросёнка уподобляла его обрядовой колоде-*Коляде*, рдеющей в костре, и пунцовому новорожденному солнцу. На заре оно казалось злато-розовым *по-росом*.

В святочных песнях обрядовый поросёнок прямо отождествлялся с *Колядой*:

Дедка свинушку убил,
Дедка беленькую,

Спинку пегенькую
Ай, да Божья коляда!¹⁰

Во время колядных торжеств возникала сложная цепь символических отождествлений: горящая в костре колода – испечённый поросёнок – «новорожденное» солнце, вместе с которым возрождался род русов и всё живое вокруг.

Духи предков на Святках

По народным поверьям, в калядовый сочельник после полуночи открывались ворота *Ирия*, и к земле прилетали «колядовать» вместе с душами умерших предков их спутники «гуси-лебеди»:

Виноградье красно-зеленое мое!
Напала пороша
Снегу беленького;
Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летели,
Коледовщики...

Приход колядующих воспринимался, как посещение в дни праздника духами предков своих потомков. Хозяева домов приветствовали ряжёных с личинами, те отвечали им *славлениями*. Вероятно, этот обычай восходил к обряду «встречи» во время летних *Русалий* с «гостями» из иного мира. В народном сознании сохранилась смутная память, что ряжёные представляли покойных предков – *Дедов*. Так, белорусские колядовщики нередко заявляли, что их «прислали Деды по блины». ¹¹ Гостей потчевали блинами, кашей, овсяным киселём, хлебным караваем. Это угощение должно было обеспечить семье в наступающем году помощь небесных радетелей: плодородие, богатство и удачу.

В конце *Святок* совершались проводы прашуров в небесный *Ирий*. В полдень под сияющим солнцем или в полночь под усыпанным звёздами *Дорогой* жрецы с молитвами разводили в родовом святилище поминальный костёр, и всё село созерцало, как духи предков незримо возносятся ввысь, сливаясь с небесным светом.

Игры с солнцем

Представление о том, что по большим годовым праздникам (на Масленицу, Радоницу, Рождество) «солнце играет» в небе, видимо, было связано с тем, что на эти дни проходились солнцевороты и равноденствия. Однако в осенний *Вересень* (искажённое *Веретень*) солнце начинало идти на убыль и потому «не играло».

Солнечная символика пронизывала и объединяла все колядные обряды. Одной из любимейших святочных забав являлся поиск детьми и девушками «золотого колечка» – на время исчезнувшего в небе зимнего солнца:

Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки в терему, в терему,
Я у матушки в высоком, в высоком!

Святочные поверья рассказывали о ведьмах, укравших с неба месяц и звёзды, но покуситься на солнце не смели. Во время многодневных колядных игрищ селяне по утрам вкатывали в гору горящее колесо и громко кричали:

В гору катись, с весной воротись!

Огненное колесо являло собою не только солнце, но и великое небесное событие – возрождение света, «коловорот-свет-поворот», который «зовёт солнце»:

Колесо, гори, катись,
С весной красной воротись!
Коловорот-свет-поворот,
Стоит прямо у ворот,
Колесо в руке несёт,
Красно солнышко зовёт...
Коляда, Коляда!
Пришла Коляда
Коляда-Молода!

Это действие зримо воспроизводило образ «небесной горы», на которую после солнцеворота всё выше поднималось разгорающееся светило. На Севере, где в дни зимнего солнцестояния оно едва виднелось над горизонтом, его сравнивали с тлеющей в небесном костре колодой и с горящим *мостом* от старого времени к новому. Образ «небесного моста», *мостка* сохранился в колядовых песнях:

Ехали бояре,
Сосну срубили...
Мосточек мостили,
Сукном устилали...
Ой, Овсень! Ой, Овсень!
Кому ж, кому ехать
По тому мосточку?
Ехать там Овсеню
Да Новому Году.¹²

Разумеется, «сукно», которое устилали перед *Овсенем*, было красного цвета.

В святочных обрядах и песнях неразрывны образы коня и *Овсеня*. Это единство восходит к глубокой древности, о чём свидетельствует родственное имя мифического покровителя лошадей у латышей – *Усиньш*. Однако в колядках можно встретить образное описание зимнего новолетия, восходящее к индоевропейской архаике:

Кому мостами ездити?
Царю-государю.
На чем ему ездити
На сивенькой свинке.
Чем погоняти?
Живым поросёнком.¹³

Свет – небесный «царь-государь» – переезжает от зимы к лету по «небесному мосту» на *серебристо-седой* свинке – облаке, погоняемом розовым поросенком – новорожденным солнцем.

Солнце «поворачивало к лету», и с сельских околиц к нему летели голоса:

Солнышко, повернись!
Красное, разожгись!

В святочных песнях солнечная символика сохранялась необычайно стойко. В начале XX века владимирские колядницы пели под окнами *таусень*, вряд ли сознавая, что воспевают небесное светило:

Как у нашего хозяина
Дорогие ворота,
Золотая борода,
Золотой усок,
По рублю волосок!
Таусень, таусень!

В «Святые вечера», с наступлением зимнего *Новолетника* начинались «Святки-игрища» молодых – катание по снегу с горок на салазках и вкруговую на конных санях, игры в снежки и сражения в снеговых «городках». Для детей лепили из снега воплощение зимы – *Снеговика* или *Снегура*. В избу, где собрались девушки, с шумом, воем и криками врывалась ватага парней, нарядившихся в вывернутые тулупы и страшные хари. Девушки начинали отчаянно обороняться. Игра имела магический смысл: выгнав из дома «нечисть», пусть ряженую, полагали, что избегли «омрачения» и обезопасили себя в наступающем году от зла. Истоки обрядовой борьбы в дни *Святки* сил света и тьмы восходили ко временам единства индоевропейцев.

Водокреши

Название *Водокреши* следует понимать как «кресение воды». В этом древнейшем таинстве возрождения земных вод отразилось «предхристианское» осмысление церковного праздника Богоявления. Не случайно лишь на Руси он получил название *Крещение* и начинался ночью, хотя явление Христа народу и крещение, описанные в Евангелии, совершались днём. В одну из святочных ночей, на рассвете в крестообразные проруби на реках и озёрах опускали деревянные кресты и переносили на них огонь из колядного костра. Это священнодействие было призвано привлечь к воде свет молодого солнца, «пробудить» её от зимнего сна, наполнить живительной небесной силой. Народное представление об освящении всех земных вод в Богоявление восходит именно к этому древнему обряду.

Прорубь на Водокреши с тремя горящими свечами в воде

В утро *Водокрецей* наблюдали, как в прорубях будто оживает, колыхается и «играет» вода. Немошные, больные и все желающие окунались в прорубь «во исцеление» и очищение от грехов. Все остальные умывались водой, обтирались снегом. Возвращаясь, окропляли дома водой, «крещёной» огнём и солнцем, чертили мелом косые кресты внутри и снаружи жилищ. На *Водокреши* ели хлеб и печенье с изображёнными сверху косыми крестами, делились ими с родичами и соседями, угощали скот и птицу.

В дни *Зимних святок* живительными становились все первостихии мира. Свет солнца веселил душу. Под звёздами освящали, *зóрили* воду и холсты. Снегом и «зóреной водой» многократно окропляли себя, скот, дома и поля. Даже трескучий мороз (от слов «мраз», «мерзкий») лишь горячил кровь, сулил богатые летние урожаи.

Колядовщики со свечами и «звездой» в виде удвоенного креста — знак древнего восьмичастного года

О чём пели в колядках?

Древней памятью о южном, общеславянском происхождении праздника *Святок* веет от русского колядочного припева: «Виноградье красно-зеленое мое!» В образе увитых лиственными гирляндами ягод воспевали обильную, сладостную, долгую жизнь. Колядующие наряжались медведем, конем, козой, журавлём, одевали тулупы шерстью вверх и звериные *скураты* (от древнерусского *скóра* «шкура, кожа»). Ряженные во главе с *мехоношей*, носившим кошель для пирогов и других подарков, ходили по дворам «кликать Коляду», «Овсень прокликать». После разрешения «Кличьте!» начинали *колядки* и *овсеньки*, восхваляли двор и величали хозяев, желали им всякого блага, доброго урожая, а еще

Избушку ребят,
Хлевушку телят,
Сына в четыре аршина,
В конюшню конёв,
Полтора ста коров,
Девяносто быков!

Позже одни и те же песни, исполняемые на Рождество, могли именоваться *колядками*, *коледовками*, а в канун Нового года – *авсенями*. В этот день колядовщики пели перед каждой избой, желая

Нового года

Всему роду!
Чтоб здоровы были,
Много лет жили!

Великорусские колядки отличались торжественным и задумчивым строем, любовное начало в них было приглушено. К числу наиболее древних относились те,

что воспевали военные подвиги, сулили славу в битвах, их «зачины» и «исходы» напоминали былинные.

*Святочные гадания
на петухе, кошке, полене и
овчине*

В эпоху Средневековья благоговейное общение с духами предков превратилось в суеверный обычай их «кормления». Эти обряды слились с земледельческими:

«осеванием», «посеванием», «зерносыпом». Посыпая хозяев зерном на счастье, желали:

Дай тебе, Господи
На поле природ,
На гумне примолот,
Квашни гущина,
На столе спорина,
Сметаны ти толсты,
Коровы ти дойны!

Колядовщики нередко «скоморошили», требовали невиданных даров и угощения:

Нам же, славцам,
Не рубль-полтина,
А единая гривна!
Пива братыня,
Яиц коробица,
Скляница вина,
Бочка квасу,
Морда рыбы,
Блюдо шанег,
Ставец оладий
И масла крыница!

После обхода домов они собирались на *посиделки* и устраивали общую веселую пирушку, делясь всем, чем одарили односельчане. Затем начинались гадания. В них

для девушек заключалась главная суть святочных вечеров. В Ярославской губернии пели:

Гадай, гадай, девица,
В коей руке былица.
Былица достанется,
Жизнь пойдет, покатится,
Попригожей срядится,
Молодцу достанешься,
Поживешь, состаришься...

Сняв крест, девушки ходили гадать о будущем замужестве к конюшне, амбару или под звёздами. «Пололи снег», собирая в полу и перекидывая через левое плечо со словами: «Наша клята, ваша свята. Миленький, ау!». Считали, если созвездие *Стожар* – от слов «сто зар (звёзд)»¹⁴ оказывается по правую руку, то молитва о женихе окажется удачной, а если по левую, не будет услышана.

Святочные гадания на свече и драгоценностях

Загадывание загадок на *Святках* некогда носило магический характер и воспроизводило тёмные «прорицания» духов предков, являвшихся к потомкам в дни *Святок*. Смысл этого обряда забылся, его сменили простодушные гадания на зеркальце, воде, иголке, венке, свече и т.д. Однако на Русском Севере сохранились старинные вопросно-ответные песни и обычай их исполнения двумя группами девушек:

Загануть ли,
Да красна девка,
Да краснопевка,
Да семь загадок,
Да семь мудреных,
Да хитрых мудрых,
Да королецких,
Да молодецких?...

Этот вопрос поется одной стороной, другая отвечает:

Да загони-ко,
Да красна девка,
Да краснопевка,
Да семь загадок,
Да семь мудреных...

Затем первая сторона выступает с загадкой:

Еще гриет,
Еще гриет,
Да во всю землю,
Да во всю руську,
Да святоруську?

Вторая отвечает:

Солнце гриет,
Солнце гриет,
Да во всю землю,
Да во всю руську,
Да святоруську...
И т.д.

Зимние Русалии и рождественские обряды

Сравнение *Зелёных святок* – череды *купальско-русальских* таинств, праздновавшихся в дни летнего солнцестояния и не связанных с подвижной церковной пасхалией, – с *Зимними святками* выявляет их символическую симметрию. Перенос новогодней обрядности с лета на зиму отразился на многих святочных обычаях, поверьях и обрядах. Полагали, что в эти дни, иначе называемые *Зимними русалиями*, как и в летние *Русалии*, открывалось небо, и духи предков являлись своим потомкам под видом «ряжёных». Однако приспособить летние обряды к суровой зиме было непросто. Святочное поминовение пращуров-*русал* напоминало летние *пóмины*, но сами *русалки* теряли свой образ, будто исчезая подо льдом и в заснеженных лесах. Быть может, к ним относили летающие в метелях хрупкие снеговые сознания *Снегура* и *Снегурку*? Происходили встречи небесных «гостей», совместные пиры с ними, а затем проводы в *Ирий*. В оба солнцеворота водили хороводы и играли свадьбы. На *Зелёные святки* плели венки из цветов, а стол и пол в избах посыпали свежей травой, на *Святки* их заменяли соломой. Купальские и русальские омовения в реке превратились в отчаянные купания в проруби, окропления ледяной водой, обтиранием и осыпанием снегом, «зоряным» под звёздами. Пылающего в виде солнечного костра *Купалу* сменила рдеющая в погасшем костровище *Коляда*. Игрища на воде – забавами на льду. Новым стало катание со снеговых горок на санках и езда в санях по селу.

Со временем обряды *Зимних святок* утратили всякую связь с *Зелёными святками* и потеряли изначальную космичность. «Засевание» жита «на весь крещённый мир» превратилось в земледельческое «посевание» по избам зерна с новогодними пожеланиями хозяевам. Символика восхождения солнца к зениту из самой низкой точки небесного круга стиралась в сознании, и потому обряд вкатывания горящего колеса на святилищную гору сменился его скатыванием к реке, а затем «похоронами» в

снегу. Тайнства встречи с духами предков неузнаваемо изменились в неуёмных святочных играх молодёжи «в умруна», в «покойника», в «деда и бабу».

Весенне-летние обряды продолжения рода и плодородия соединились с солярной и астральной символикой зимнего солнцеворота, а затем были оттеснены христианской обрядностью. Православная церковь вместо древних святочных девяти утвердила двенадцатидневный праздник Рождества Христова, длящийся с 24 декабря по 4 января, от Сочельника до конца Рождественских святок. Тайнство обновления мира, рождения нового света перевоплотилось в праздниках Рождества и следующего за ним светского Нового года. В течение столетий астрономическая дата зимнего солнцеворота сдвигалась всё больше вперёд и в XIX веке приходилась не на 24/25 декабря, как при появлении Юлианского календаря в I веке н.э., а на 12-е декабря. В этот день на Руси чествовали св. Спиридона-Солнцеворота. Солнце начинало своё многодневное зимнее «стояние» над горизонтом, в самой нижней части неба.

В Рождественский сочельник не ели до первой звезды. В южнорусских обрядах сохранилось немало «низовых», простонародных поверий. На «свят вечер» ужин готовили из кутьи и *узвара* (отвара сушеных плодов), поминая предков, оставляли им на ночь кутью и пытались увидеть на стенах тени умерших родственников – маленьких, как куклы, людей, спускающихся к столу.

Появились новые святочные обряды: «хождения со звездой», с «царями волхвами». В дни Рождества славельщики величали хозяев каждого дома, но в припевах по-старинке поминали *Овсень-Таусень* и *Коляду*. В колядках святочные мотивы возрождения солнца предшествовали рождественским, связанным с рождением Христа:

Коляда пришла,
Рождество принесла!

Колядой наряжали девицу в белой рубахе поверх одежды и возили по селу на санях. Никакого отношения к обрядовому костру она уже не имела. Обряды очищения свелись к окуриванию на рассвете хлебов и курников смолой с девясилом, «обмыванию притолок» рождественской водой.

Святочные гадания на петухе

Под воздействием многовековых церковных прецедентов в народе со временем возникло двойственное отношение к рождественским *Святкам*: их называли «святые вечера» и «страшные вечера». Чтобы избавиться от «нечисти», после Крещения толпа молодых парней верхом на лошадях носилась по дворам, била метлами и кнутами по тёмным углам и закоулкам, с криками изгоняя различных «лихоманок», а с ними *Коляду*, «кутью» и *Святки*... Но

ненадолго. Праотеческие обычаи почитания солнца возвращались в дни весеннего равноденствия. Обряды Масленицы подхватывали и продолжали святочные празднества возрождения и небесного света.

1988-1991, 2016

¹ См.: *Байдин В.* «Масленица: начало творения». *Культура и время*, 2015, №3, С. 135-147; он же «Под бесконечным небом. Образы мироздания в русском искусстве». М.: Искусство — XXI век. 2018, СС. 17-84; он же. Иконосфера русского Средневековья, сайт «Historicus.ru», февраль 2018: <http://www.historicus.ru/ikonosfera-russkogo-srednevekovya/>; он же. Символика русского средневекового храма, сайт «РусАрх», апрель 2018: <http://www.rusarch.ru/baydin1.htm>

² Считается, что варианты названий этого праздника *Таусень*, *Баусень*, *Говсень* содержат корень **сень*- и слитые с ним восклицания: та, ба, гой!

³ Возможно, поэтому название праздника часто произносится как *Каледа*, где корень **кал*-сближается с глаголом *калить* «раскалять, разжигать».

⁴ На Руси из обрядовой памяти оказался вытеснен древнейший индоевропейский мотив поединка Небесного коня, несущего солнце, свет и тепло, со Змеем, скрывающимся в земле, тьме и холоде. После *Осенин* Змей набирал силу и, гнездясь в корнях Мирового Дерева, сторожил истоки жизни, однако в дни зимнего солнцеворота уступал в сражении Небесному коню и выпускал на волю священный «клад» – *Коляду*, возродившееся солнце.

⁵ Обычай, по которому на *Коляду* «орали (пахали) на медведе», восходил к тем временам, когда медведя считали священным первопредком и лесным покровителем древних русов (*кумом*). В течение столетий этот обряд утерял начальный смысл и превратился в святочное «вождение козла» (заменившего опасного медведя) вокруг костра и по домам.

⁶ По свидетельствам историков, на острове Руяне (современный Рюген) в Балтийском море на *Овсень* пекли обрядовый *калач* в рост человека.

⁷ *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. М.: «Художественная Литература», 1989, С. 227.

⁸ *Потебня А.А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий // Слово и миф. М.: «Правда», 1989, С. 410.

⁹ *Метлинский А.* Народные южнорусские песни. Киев, 1854, С.164.

¹⁰ *Терещенко А.* Быт русского народа, т.7, с.48.

¹¹ Их образ, связанный с потусторонним миром, но утративший первоначальные черты, в советскую эпоху был парадоксально перенесён на *Деда Мороза*.

¹² *Снегирёв И.М.* Русские простонародные сказки и суеверные обряды. М., 1837-1839, Вып. 2, С. 111.

¹³ *Терещенко А.* Быт русского народа... С. 118.

¹⁴ Так на Руси называли то Орион, то Большую Медведицу вместе с Полярной звездой.